

Неолимпийские игры

ПЕРЕКЛЮЧАЕМ КАНАЛЫ

В воскресенье на канале «Культура» в программе «Легенды мирового кино» нам напомнили об американской кинозвезде середины XX века Дине Дурбин. Актрисе, которая выразила лучшее, что было в человеке того времени. Очень цельная и чистая тема: простая, даже наивная готовность к добру – и неготовность к злу. Моральная чистота.

Женская мягкость и при этом – духовная твердость... Что-то похожее еще лучше, мне кажется, умела воплотить в кино Вивьен Ли – незабвенная и неповторимая леди Гамильтон. У нас тоже были близкие по теме актрисы. Но в той или иной степени их игра подпорчена идеологическим заданием. А Дурбин не занималась апологией американского образа жизни. Она просто была женщиной, которых мало. Которых за это и за все остальное всегда ценят мужчины.

Мне вспомнились письма нашего великого художника Михаила Соколова. 1946 год. Он тогда был сактирован из ГУЛАГа, вернулся на родину, в Ярославле себе пристанища не нашел и вынужден был поселиться в Рыбинске. Жить ему оставалось срод, не больше. И одной из последних радостей его жизни был фильм «Сестра его дворецкого» Дины Дурбин. В общем-то незамысловатая американская комедия с одной, однако, изюминкой. По сюжету там Дина переезжает в Россию.

Господи, как она пела! Как поразительно перевоплотилась она и предстала такой насквозь русской, каких теперь почти уже не бывает, да и в 40-е было не так уж много. Благородство и чистота. Так не пели у нас тогда на экране, хотя пели иной раз неплохо. А позже – тем более. Фрагменты этой картины мы с Владимиром Пархоменко потом включили в наш документальный фильм о Соколове на «Ярославии».

Вот вопрос: есть ли у нас актриса, которая сегодня выражает душу народонаселения? Не предвещая ответ, нахожу на этой неделе очередные скандальные вести о Ксюше Собчак.

Депутаты комиссии по здравоохранению и охране общественного здоровья Мосгордумы подготовили обращение к генпрокурору Устинову, в котором потребовали закрыть телепроект «Дом-2: Построй свою любовь» на TNT и привлечь ведущую программы Ксению Собчак к уголовной ответственности за сутенерство. По их мнению, «реалити-шоу эксплуатирует интерес к сексу и наносит вред нравственному развитию молодежи, а госпожар Собчак участвует в «организации занятий проституцией», «сводничестве», «сутенерстве» и «коммерческой сексуальной эксплуатации людей».

«Депутатов в России не любят и смеиваются над ними, и чем больше они будут писать такие письма, тем больше их будут не любить», – заявила в ответ на инициативу Мосгордумы Ксюша Собчак. – Они приняли на себя роль инквизиции и умудрились довести свой морализм до полного абсурда. Вместо того чтобы решать реальные проблемы молодежи – вопросы ипотечного кредитования, повышения стипендий и т. п., депутаты находят себе девочку для битья... Мы на «Доме-2» занимаемся проблемами молодежи больше, чем

эти самые депутаты: адекватным людям совершенно очевидно, что телепроект учит любить и дружить».

Найдется много людей, которые поддержат депутатов. Но, конечно, их обращение наверняка останется без последствий, поскольку юридической грамотой они, судя по всему, не владеют. Что странно, но характерно. (Сошлюсь на мнение адвоката Павла Астахова: «Законодатели не знают формата реалити-шоу: по закону за происходящее в прямом эфире несет ответственность тот, кто в прямом эфире участвует. Если к Ксении Собчак в реалити-шоу приходит человек и снимает штаны – это его проблема, а не проблема ведущей».)

Депутатам бы бороться за реальную реформу на ТВ, реализовать, наконец, проект общественного телевидения, которого в России как не было, так и нет. Но это трудно, на этом можно шею сломать. Вот они пока и пиарят себя, развивая мнимую активность.

Но и Ксюша выглядит смешно как воспитатель юношества. Что угодно, только не это.

На нашем *необщественном* телевидении кругом проблемы. Их обнажила техногенная катастрофа в Москве. Или, как accurately выразался в своих «Временах» на Первом Владимир Познер, «техногенная авария». (Из моего журналистского опыта. Я помню, как упорно выкорчевывала советская цензура слово «катастрофа» применительно к Чернобылю, предлагая считать происшедшее именно аварией. Считать ли сегодня аварией событие, которое повлияло на жизнь миллионов, хотя и обошлось, кажется, без жертв? Предоставляю решить эту филологическую задачу читателю.)

Познер обрушился на... журналистов. Они-де кричали, что все плохо. Журналисты-де испытали сексуальное наслаждение

от того, что можно мочить власть. Не было паники. Никто никого не грабил. Не было дебоширства. Люди вели себя исключительно. И ни одного слова никто об этом не сказал.

Такова версия Познера. Подозреваю, что он лукавил. Мне то показалось, наоборот, что журналисты именно на сей раз очень объективно показали происходившее. Не смакуя, не злодея. Достаточно удачно и полно была отражена жизнь Москвы. Было видно, что люди на самом деле довольно стойко переносят трудности, кто-то еще надеялся на неуловимые власти, кто-то решал свои проблемы сам... Да и власти не слишком сплосхвали.

Этого, к примеру, не скажешь о журналистском освещении на ТВ другого громкого сюжета, развивающегося параллельно: суда над Ходорковским и Лебедевым. В этом месте налицо очевидный и полный профессиональный провал, как раз и заставляющий вспомнить о нереализованности в России общественного ТВ.

Зачем же понадобилось Познеру атаковать журналистов? Ларчик открывается просто. В последнее время если на ТВ нужно поругать госчиновника, то ведущие типа Соловьева и Познера обязательно стараются уравновесить эту критику агрессией против журналистов, общественников, всяких там маргиналов... Это такая игра в объективность. Вот и Познер. Критикуя журналистов, он явно хотел защитить главу РАО «ЕЭС» Чубайса от прокуроров и партактива, обозвав их даже «нынешней причиной». Едва ли, действительно, Чубайса нужно делать крайним в сложившейся ситуации. Коммунальное хозяйство страны вообще страшно изношено. Даже обаяние представить себе, к чему это может привести. Да уже и приводит. Вон в Архангельске в

очередной раз нет воды. И это не игрушки. Еще лет пять назад говорили о проблеме 2003 года, предсказывая начало развала сферы коммунального сервиса. Тогда вроде бы обошлось. Но что и кем сделано за эти последние годы для улучшения ситуации? М-да. Причем и в этой ситуации что-то незаметно, чтобы журналисты постоянно реагировали на этот очень острый общественный запрос, иными словами – на объективную потребность общества в поиске развязки проблемы, которая является гораздо более тотальной, чем пресловутый терроризм. И опять-таки: можно ли говорить о такой острой ответственности журналиста, если нет для ее реализации почвы, того самого общественного ТВ?

От всех этих неувязок отдыхаешь на «Культуре». Там по случаю юбилея Джозефа-Иосифа Бродского повторили фильм десятилетней давности «Прогулки с Бродским», созданный, кстати, при участии моей бывшей однокурсницы Лены Якович. Подруги дней суровых. Венеция, Петербург, острый Ленин профиль, надтреснутый голос поэта, которого любили, от которого хотелось отталкиваться, с которым в душе, как теперь уже ясно, можно жить и предстоит жить. *Значит, нету разлук, существует огромная встреча, значит, кто-то нас вдруг обнимает и держит за плечи, и полны темноты, и полны темноты и покоя, мы все вместе стоим над холодной и быстрой рекою...* Я вернулся на днях из Петербурга. Плавал там по Неве, гулял по Троицкому мосту и раза три прошелся мимо дома Мурузи, где некогда обитал поэт. Не так много на самом деле осталось там от Бродского. Быть может, только влажный свежий ветер, только прозрачные воды, только свободный горизонт.

Евгений ЕРМОЛИН,
профессор ЯГПУ.